

Хренов Н.А.

Публичность в ее традиционных и виртуальных формах как феномен культуры. Статья вторая.

Аннотация: Предметом исследования в данной статье являются природа и функции публичности как феномена культуры. Среди многочисленных видов исторического исследования известны история общества, история государства, история культуры, история коммуникации и история искусства. Однако параллельно истории искусства разворачивается история публики, т.е. среды, в которой функционирует искусство. Среда или способствует развитию интенсивной художественной жизни или же, наоборот, это развитие тормозит. Однако история публики одновременно является и историей более общего явления – публичности, манифестируемой не только в художественных, но, например, в обрядовых, ярмарочных, праздничных, фестивальных, спортивных, зрелищных и театральных формах. Что такое публичность как нечто промежуточное между историей искусства и историей общества? Какие формы публичности существовали в истории? Какие функции публичность в истории осуществляла? По поводу всех этих вопросов и размышляет автор статьи. Это и является предметом исследования. Поскольку история публичности – частное проявление истории общества, то для выявления ее природы и функций автор использует социологический подход как дополняющий исторический подход. Социология диктует дифференцированный подход к обществу и, соответственно, к публичности. В статье выявляются признаки публичности, характерные для доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества. Большое значение автор уделяет переходу от форм публичности, характерных для индустриального общества, к формам публичности, что репрезентативны уже для постиндустриальных обществ, в границах которых возникают виртуальные формы публичности на технологической основе. В статье уделяется внимание тому вкладу, который вносит в становление новых форм публичности так называемый "третий класс". Новизна предпринятого исследования заключается в том, что процессы, разворачивающиеся в городах Нового и Новейшего времени и, в частности, характерные для новых форм публичности, имеют последствия не только для общества, но и для культуры. Публичность – это в то же время и сфера творчества культуры. Поэтому применительно к публичности как предмету исследования в данной статье впервые привлекается культурологический подход. Публичность – явление, связанное не только с социумом, но и с культурой. Так, чтобы это продемонстрировать, автор обращается к театральной жизни XVIII века, в которой уже возникают эмбрионы будущих виртуальных форм публичности, связанных, например, с телевидением или интернетом.

Ключевые слова: Виртуальная публичность, праздничность, эмоциональный контакт, эмоциональный дефицит, театральность, дуальность, коммуникация, публичность, индустриальное общество, масса.

Review: The subject of the present research is the nature and functions of publicity as a cultural phenomenon. Among numerous forms of historical research, the most famous ones are history of society, history of state, history of culture, history of communication and history of art. However, the development of history of art goes in parallel with history of public, i.e. the environment where art functions. The environment either contributes to the development of an intensive art life or, on the contrary, puts brakes on the development of art. Moreover, history of public is also the history of a more general phenomenon – publicity that is manifested not only in art but also in rituals, fairs, festive, sport, entertaining and theatrical forms. What is publicity considering that it is an intermediate element between history of art and history of society? What forms of publicity have been known throughout history? What functions has publicity performed in history? These are the questions the author covers in his article and chooses as the subject of his research. Taking into account that history of publicity is a form of history of society, the author has used the sociological approach to studying features of publicity because the sociological approach completes the historical

Историческая культурология и история культуры

approach. Sociology dictates a differentiated approach to society and, therefore, to publicity. In his article Khrenov describes the features of publicity attributed to pre-industrial, industrial and post-industrial societies. The author also focuses on the transfer of publicity forms that are typical for the industrial society to the publicity forms that are representative for post-industrial societies that create virtual forms of publicity based on developed technologies. Khrenov also pays attention to the contribution of so-called 'the third class' to the development of new forms of publicity. The novelty of the research is caused by the fact that the processes ongoing in the cities of the Modern and Contemporary Periods, in particular, those that are typical for new forms of publicity, have consequences for not only the society but also culture in general. Publicity is also a sphere of creative culture, thus the author has also applied the cultural approach to studying publicity as the subject of the present research. Publicity is the phenomenon that is related to both culture and society. To prove it, the author appeals to the theatrical life of the XVIIIth century when future virtual forms of publicity associated with television and Internet started to appear.

Keywords: *Virtual publicity, festivity, emotional contact, emotional deficiency, theatricism, duality, communication, publicity, industrial society, public.*

1. Дефицит публичности в ее архаических и традиционных формах в индустриальном обществе.

В первой части статьи были рассмотрены пространственные, географические, исторические и коммуникативные аспекты публичности. Отмечалось, что в традиционных формах, ныне активно вытесняемых формами виртуальности, всегда сохранялись ранние формы социума с присущим ему принципом дуальности или диалогичности, что получило выражение еще в обрядах. Принцип дуальности позволил в публичности выявить ее театральный смысл. Поэтому наиболее репрезентативным признаком публичности будет театральность. Принцип диалогичности просматривается и в более поздних периодах истории. Чтобы это стало очевидным, приводились примеры из культуры Галантного и культуры Буржуазного веков. В этих культурах прослеживалась логика взаимодействия между разными условиями по принципу взаимоотталкивания и взаимопритяжения.

Однако для анализа публичности имеют значение не только социологические, но и психологические факторы. Так был рассмотрен психологический принцип манифестации публичности, связанный с потребностью в эмоциональном насыщении. Подвергнуто также обсуждению то, что К. Обуховский назвал синтонией, т.е. потребностью в эмоциональном контакте. Но публичность имеет не только пространственные, но и временные характеристики. Чтобы последние выявить, важно рассмотреть те формы публичности, что связаны с праздничным календарем.

Может быть, смысл публичности в большей мере приоткрывается по мере того, как под ней мы будем подразумевать один из двух элементов оппозиции «публичное – приватное». Все перечисленные признаки публичности следует рассмотреть в историческом контексте. В Новое и Новейшее время таким контекстом будет социальный контекст, а, еще более точно, возникновение и становление индустриальных обществ, в границах которых происходит формирование ментальности среднего класса и институционализация присущей ему картины мира. Зависимость от этого обстоятельства новых форм публичности в городах Нового и Новейшего времени мы рассмотрим в данной части работы. Хотя наше время – это время становления уже постиндустриального общества и утверждения виртуальных форм публичности, тем не менее, время модерна (модерн в понимании Ю. Хабермаса) должно быть подвергнуто более серьезному исследованию. Ведь именно на этом отрезке истории возникает то, что обычно обозначается понятием «масса». Проблемы и противоречия, связанные с этим явлением, остаются реальными, в том числе, и в постиндустриальном обществе.

На поздних этапах истории, а, еще точнее, в связи с урбанизацией и индустриализацией изменилась не только личность, но изменилось и само общество. Еще в XVIII веке человек ощущал тесную связь со своими территориями, поселениями, городами, часто не зная, как существуют люди в соседних губерниях и уездах. Технологические новшества и убыстряющийся ритм жизни выбрасывает человека из локальных сообществ, обязывая его мыслить в расширяющихся сообществах, символами которых в Новое

и Новейшее время оказываются быстро растущие города. Так мы оказываемся в новом контексте, который возникает в том, что Э. Тоффлер называет индустриальными обществами, т.е. массовыми обществами.

Казалось бы, что же такого необычного кроется в том, что по каким-то причинам люди не могут, как это было в доиндустриальных обществах, собираться вместе, т.е. осуществлять публичную акцию. Разве это обстоятельство может иметь какие-то далеко идущие последствия? Оказывается, в этом есть проблема. Досуговое поведение в публичном пространстве позволяет человеку не только достигнуть эмоционального равновесия и получить удовольствие от развлечения, но и ощутить себя не обособленным и одиноким индивидом. Он способен постигать свой идеальный образ, который является уже социальным образом и может возникнуть лишь во взаимодействии с другими и именно в публичном пространстве. Это является универсальной потребностью, проявляющейся во все времена.

Поэтому если по какой-либо причине публичность в этих своих функциях утрачивается, то должен появиться эрзац или заместитель, способный или же неспособный осуществлять функции этой публичной акции в ее раннем проявлении. Когда такой эрзац в виде массовой коммуникации с этим не справляется, то возникает потребность возродить самые архаические формы публичности. Оказывается, как утверждает Д. Джекобс, именно это в современном социуме и происходит, т.е. происходит возврат в Средневековье. Само же Средневековье она связывает с распадом той некогда блистательной культуры, какой была греко-римская культура. Нечто аналогичное этой ушедшей в прошлое греко-римской культуре, как полагает Д. Джекобс, присуще и западной культуре, которая в настоящее время оказывается в кризисе и грозит исчезнуть.

Д. Джекобс убеждена, что все существующие средства коммуникации, в том числе, письменность, печать и интернет способны дать лишь иллюзорное ощущение безопасной непрерывности культуры. Иначе говоря, мощные технологии оказываются неспособными разрешить острые проблемы, с которыми современные общества сталкиваются. Какими бы фантастическими новыми средствами коммуникации не были, им все же не удается до конца заменить более традиционные формы общения и взаимодействия людей. По

сути дела, Д. Джекобс стоит на платоновской позиции. В свое время Платон удивил критической оценкой изобретения письменности и последствий ее распространения. Д. Джекобс пишет: «Однако большая часть мириада деталей сложной, живой культуры передается не через письмо и не через пиктограммы. Напротив, культуры живут через устную речь и через наглядный пример» [1].

Вот этими признаками, все более в современной культуре утрачиваемыми, как раз и обладает публичность в тех ее формах, которые предшествуют ее виртуализации. Мы существуем в фантастическое время, но оно полно противоречий и таких ситуаций, с которыми современное общество ранее не сталкивалось. Это общество развивается на основе принципа органопроекции. Появление множества технических новинок, в том числе, и в сфере коммуникации свидетельствует о том, как различные органы человека с помощью технологий расширяются, получая выражение в пространстве и времени. Первичные формы публичности, а, следовательно, и социальности, что возникли в древности, давно уже оказываются пересозданными. Современный человек преодолел традиционные пространства публичности. Он превратил в публичное пространство весь мир.

Проблема заключается в том, чтобы понять, где же находится сам человек и что он сегодня из себя представляет. Не растворился ли он в мировой паутине, а также, не исчез ли социум вообще, который в предшествующей истории созидал то, что всегда считалось человеком. Оказывается ли он, используя многообразные формы коммуникации, по-прежнему субъектом, хозяином положения или давно превратился в существо, колеблемое надчеловеческими глобализационными вихрями? Разве, наблюдая сегодня за политическими трансформациями, мы не приходим к выводу о том, что от человека еще менее что-то зависит, чем это было в предшествующие эпохи?

Возникает удивительный парадокс: чем активней разворачивается расширение пространства связей человека с миром, тем очевидней становится утрата глубины этих связей, а вместе с тем и связей между людьми. Не наблюдаем ли мы в череде оранжевых и цветных революций возрождение публичности в ее самых архаических проявлениях, в формах непосредственных контактов между выходящими на площадь тысяч людей? Именно эти архаические формы публичности призыва-

Историческая культурология и история культуры

ются восстановить нарушенные человеческие связи между обществом и властью, преодолеть отчуждение, столь очевидное во всех сферах. Кроме тех политических задач, которые призываются решать такие публичные акции, в них прочитывается потребность разрушить безличные контакты между людьми, утверждаемые публичностью в ее виртуальных формах, которая, несомненно, разрушает публичность в ее традиционных формах.

Как тут не согласиться с Г. Дебором, уловившем в современных обществах, которые, по его мнению, превратились в универсальные спектакли, то, что расширение коммуникации способствовало не реализации потенциала личности, а усилению власти и ее способности осуществлять тотальный контроль. «На первый взгляд, – пишет он – СМИ вторглись в жизнь как простое оборудование для мгновенной коммуникации, очередное удобство – однако это новшество обернулось настоящим Троянским конем, со своими эгоистическими целями и помыслами о саморазвитии. Если уж так вышло, что общественные нужды эпохи, в которую развивается подобная техника, могут быть удовлетворены лишь при помощи этой техники; если управление данным обществом и контакты между людьми больше не могут осуществляться иначе, как посредством мгновенной коммуникации, то это только потому, что «коммуникации» по сути своей стали односторонними. Концентрация «коммуникаций» есть, таким образом, накопление в руках власть предержащих существующей системы средств, которые позволяют им продолжать навязывать свой диктат» [2]

Возвращаясь к традиционным формам публичности, под ними мы вовсе не подразумеваем лишь возрождение традиционных форм. Не является ли это их возрождение показателем не только того, что фантастические технологии, демонстрирующие публичность, соответствуют постиндустриальному обществу, но и того, что социума в его привычном, т.е. традиционном виде, каким он существовал в доиндустриальную и индустриальную эпоху, уже не существует. Он распался, и человек, осваивающий фантастическую публичность, возникающую на технологической основе, лишился механизмов, которые ранее дисциплинировали и организовывали его сознание. По сути, он превращается в нового кочевника, получившего возможность постоянно изменять свою идентичность. Невозможно утверждать, что он одновременно существует

и в реальности, и в виртуальной реальности. Технологии все в большей степени позволяют ему превращаться в виртуального человека.

2. Публичность как способ формирования и поддержания коллективной идентичности.

Столь характерное собрание жителей какого-то поселения в едином публичном пространстве ранее осуществлялось с целью демонстрации всего лучшего и идеального, что в данном сообществе существует, а если даже этого лучшего и идеального нет или его недостаточно, то демонстрировать тот образ, которым данное общество себя наделило. Таким образом, манифестация публичности связана с чрезвычайно значимым и чаще всего неосознаваемым смыслом, а именно, поддержанием того образа сообщества, которым это сообщество само себя наделяет.

Но ведь что такое этот образ, как не идентичность в ее территориальном, этническом или социальном понимании? Если в этом направлении мыслить, то выясняется, что одной из основополагающих функций всякой публичной акции является формирование, утверждение и поддержание этой самой идентичности как определяющего в сохранении и выживании любого сообщества людей элемента. Причем, в данном случае непременным условием будет то, что акция публичности предполагает участие в ней как можно большего числа представляющих сообщество людей. Так, в традиционных культурах существовало требование обязательного участия в публичных, т.е. праздничных акциях всех жителей поселения [3].

Следовательно, пытаясь разобраться в публичности, мы получаем ключ к тем механизмам, которые способствуют или укреплению социума или его распаду. Поэтому наивны те суждения, которые потребность людей собираться вместе в определенном пространстве сводят к потребности в развлечении. Здесь возможен вопрос, почему же такая озабоченность поддержанием идентичности? Вопрос закономерен. Если согласиться с тем, что публичная акция предполагает аудиторию со стороны сообщества – соседа, а это сообщество – сосед способно в соответствии с А. Тойнби представлять как Вызов, то мы обязаны учитывать еще одно обстоятельство. Если в силу каких-то при-

чин определенный социум оказывается неспособным поддерживать свой образ и укреплять свою идентичность, то такой образ ему непременно присвоят другие сообщества. Он же, следовательно, способен расходиться с тем, что думают о себе представители своего сообщества и как они себя воспринимают. Человеку второго десятилетия XXI века, ставшему свидетелем пропагандистской истории, не следует объяснять, что это такое.

Если иметь в виду латентного, предполагаемого зрителя, т.е. население соседнего сообщества, то публичность предстает в контексте конфликта между поселениями, подчас даже в столкновениях между ними. Однако в реальности варварские формы взаимодействия между разными поселениями вытесняются игровыми. Состязательность постепенно принимает игровой характер. Поэтому проявления публичности связаны не только с театрализацией публичных акций. Эти акции демонстрируют выражение духа соперничества и, следовательно, игры, которая позволяет изжить возможные кровавые столкновения. Эта способность публичности воздействовать по принципу громовода обязывает относиться к ней серьезно. В данном случае следует говорить об еще одной значимой функции публичности, которая является катартической функцией.

Но имеющие место в каком-то пространстве публичные акции могут способствовать не только противопоставлению «они», но и позитивному взаимодействию между «мы» и «они», а, следовательно, расширению социума, уже не сводящегося к какой-то одной территории. В качестве иллюстрации можно было бы обратить внимание на такую форму публичного пространства как ярмарка. Она посещается представителями самых разных поселений и способствует их единению. Тем более, что первоначально ярмарки возникали в сакральных местах, в местах поклонения святым [4].

3. Противоречие в культуре индустриального общества: распад традиционных форм публичности и возникновение массы.

Как было отмечено, под публичным пространством следует подразумевать социально освоенное пространство, т.е. пространство, возникшее в границах социума определенного типа и на определенном этапе его истории.

Если публичное пространство рассматривать с этой точки зрения, то можно уже ставить вопрос о функции и даже нескольких функциях публичности. Становление публичности разворачивается одновременно со становлением социальности. Функция публичности и пространства, в котором она имеет место, определяется потребностью всякого человеческого сообщества, как и потребности общества в более позднюю эпоху поддерживать единство этого сообщества, причем, в его наиболее традиционных формах. Такой традиционной формой является собрание всех проживающих в этом поселении в одном месте или месте, специально предназначенном для манифестации публичности.

Почему архаические общества столь озабочены участием в публичных акциях непременно всех жителей поселения? Потому что настоятельной потребностью здесь является обеспечение единства сообщества, а, следовательно, ответственности всех и каждого за это единство. В этом отношении речь идет уже не о социуме, а о культуре, т.е. системе норм и установок, которые должны быть для всех одинаковыми. Эта проблема является актуальной не только для того этапа истории, когда общества возникают, но и для современной истории. Переживаемые людьми переходные ситуации провоцируют распад существующих норм и установок, а, следовательно, погружают человека в хаос. Распад норм и установок означает регресс в более ранние формы поведения, а, следовательно, возвращение социума к толпе.

Столь знакомое по истории XX века возникновение толпы или массы означает и регресс культуры. Это выпадение из культуры. Чтобы поправить положение, необходимо вновь овладеть ситуацией и преобразовать толпу в организованное сообщество. Однако поздняя история приобретает такой динамизм и катастрофизм, что осознаваемая как проблема уже в XIX веке толпа так и не успевает трансформироваться в культурное сообщество, а, следовательно, принять форму публичности, свойственную новому социуму, будь то индустриальное или постиндустриальное общество. С этой решаемой, но до конца неразрешенной проблемой человечество сталкивается до сих пор.

Особенно драматичной в этом смысле предстает ситуация в русской культуре. Возникновение в России еще в конце XVIII века среднего класса свидетельствовало о том, что как и в западных странах, среднее сословие

Историческая культурология и история культуры

начало активно пересоздавать доиндустриальное общество. Однако искоренение в России среднего класса в городе и деревне после 1917 года этот позитивный процесс прервало, что вновь вернуло Россию к состоянию хаоса и образованию массы. Это проявилось в омассовлении, а затем в виде следующей стадии этого процесса и как реакции на него – возникновении тоталитарного государства.

Таким образом, представляя публичность механизмом культуры и констатируя действие этого механизма в той его форме, что соответствует возникновению и становлению индустриального общества, мы обнаруживаем, что на этом этапе публичности противостоит толпа и масса. Культура этого времени призывается окультурить толпу и массу, способствовать с помощью разных форм публичности вхождению толпы и массы в культуру. Ведь толпа и масса как порождение распада традиционных, т.е. доиндустриальных, доурбанизированных обществ какое – то время находятся вне культуры. Лишь формы публичности способны содействовать трансформации толпы и массы в культурное сообщество.

Этот процесс разворачивается на протяжении трех последних столетий, когда возникает и проходит стадии развития индустриальное общество. Кажется, что переживаемый сегодня переход от индустриального общества к постиндустриальному обществу избавляет человечество от того негатива, что связан с толпой и массой, как и возникающей под их влиянием массовой культурой. Однако в том – то и дело, что с наступлением постиндустриального общества этот процесс явно не заканчивается. Призванные этому способствовать виртуальные формы публичности с этой задачей явно не справляются.

4. Ретроспекции в эпоху раннего модерна: рождение публичности нового типа в контексте восхождения среднего класса.

Свою задачу мы усматриваем в выявлении специфики публичного пространства в границах того социума, что существует в поздней истории и, еще более конкретно, в границах отрезка истории, обычно обозначаемого как Новое и Новейшее время. Публичное пространство – это, разумеется, социальное пространство, возникающее в разновидности социума, называемого индустриальным обществом. Понятно, что этот специфиче-

ский социум возникает по мере исчезновения обществ средневекового типа и рождения обществ, в которых определяющую роль будет играть так называемый «средний класс». Однако было бы неверным, если бы смысл публичного пространства можно было исчерпать лишь социальным смыслом.

Очевидно, что возникновение и становление публичности, как и ее пространственные характеристики являются признаками возникающей в эту эпоху культуры или культуры определенного типа. Поэтому под публичным пространством следует подразумевать именно культурное пространство в его секулярном проявлении. Поскольку публичное пространство – это пространство общения людей и взаимодействия между ними, то это общение и взаимодействие в это время будет разворачиваться в соответствии с теми нормами, которые будут уже возникающими в индустриальном обществе нормами культуры.

Пока мы утвердились в географическом, историческом, коммуникативном и пространственном понимании публичности. Но необходимо определиться не только в пространственных формах публичности, но и в ее социальном и культурном наполнении. Собственно, зачем в определенные эпохи культивируется публичность и почему она угасает в другие эпохи? Угасает, чтобы уступить место, например, приватности, которая становится избавлением от публичности, поскольку публичность как порождение цивилизации и культуры, находящейся под воздействием цивилизации, превращает человека в функциональное существо и удаляет его от природы. Публичность в ее новых, соответствующих массовому обществу формах, является, прежде всего, отчужденной от личности. Эти отчужденные формы не могли не возникнуть, поскольку, освобождая личность от императивов традиционной культуры, что формировалась в сельских поселениях, индустриальное общество должно было по-новому решать проблему единства социума в его секулярной форме.

Но как решать проблему единства социума, когда в результате урбанизации и миграции жизнь вышла из локальных территорий? Необходимо было достичь единения в новом, необычайно расширившемся пространстве. Для решения этой задачи призывались средства массовой коммуникации. Они вовсе не призывались углублять формы индивидуальной коммуникации. Их функция заключается в объединении необычайно расширяющихся

пространств, что особенно свойственно империям, объединяющим разные этносы и национальности. Это надличностные формы коммуникации. Конечно, расширение и утверждение СМК подвигло к освоению тех форм культуры, которые бы культивировали индивидуальную стихию, т.е. приватность. Естественно, этот процесс разворачивался. Но расширяющееся поле воздействия СМК как новых форм публичности по отношению к личности не оставалось нейтральным.

Массовая коммуникация втягивала личность в надличные, т.е. отчужденные формы публичности, что своим следствием имело стирание форм, возникших в культуре в результате процессов индивидуализации, а они развивались под воздействием «галактики Гутенберга». Это изменение качества общения и мышления подмечено еще в XIX веке. Именно в этом столетии разворачивается эскалация газетного дела. Р. Сеннет фиксирует: 40-е годы XIX века – первая великая эпоха многотиражной газеты [5]. Но растет и число издаваемых газет. Так в одном только Париже выходило 300 периодических изданий с огромными тиражами [6].

Но парадокс заключается в том, что чем шире становится пространство публичности в его опосредствованных формах, тем меньше глубины в формах общения между людьми. Так, во втором философском письме П. Чаадаев фиксирует повышенную нервность жизни, спровоцированную, в том числе, газетными новостями и легковесной литературой. «Повсюду мы встречаем людей – пишет он – ставших неспособными серьезно размышлять, глубоко чувствовать вследствие того, что пищу их составляли одни только эти произведения последнего дня, в которых за все хватаются, ничего не углубив, в которых все обещают, ничего не выполняя, где все принимает сомнительную или лживую окраску и все вместе оставляют после себя пустоту и неопределенность» [7].

Словно подхватывая мысль П. Чаадаева, спустя несколько десятилетий С. Булгаков писал: «В современном человечестве не только у нас, но и на Западе произошел какой-то выход из себя вовне, упразднение внутреннего человека, преобладание в жизни личности внешних впечатлений и внешних событий, главным образом политических и социальных. Отсюда такая потребность суеты, внешних впечатлений. Современный человек стремится жить, как бы не бывая дома наедине с собою: созна-

ние заполнено, но достаточно приостановиться этому калейдоскопу внешних впечатлений, и можно видеть, как бедна или пуста его жизнь собственным содержанием» [8].

Разумеется, эту тенденцию не могли не ощутить и представители искусства, в частности теоретики, касающиеся театра. Вот как описывает нервную жизнь города и ее последствия на восприятие искусства В. Чарский. «Современный городской житель весь во власти суеты и деловой суеты – пишет он – Нет никакого сравнения между жизнью теперь и пятьдесят лет назад. Усовершенствованные способы сношений воспитали в нас желание все знать. Мы хотим пробежать литературный фельетон, заглянуть в заграничные известия о трестах в Америке, о революции в Персии, об автомобильной гонке, нам интересно состояние общественной жизни в провинции, вновь возникшая секта, вчерашнее зверское преступление. Но, выбрав в изобилии и многообразии впечатлений, современный человек сильно проиграл в их силе, глубине и содержательности; они поверхностны и отрывисты; впечатлений много, но они скоропреходящи и скользят по поверхности души, не оставляя в ней глубокого следа. В суете неумеренной и нервной городской жизни нет места самоуглублению, чувство проходит в душе не широкой волной, а коротким аккордом: он быстро замирает и, едва замерев, уступает место другому, столь же краткому. Теперь для художника важна не эволюция чувства, не выяснение логической связи между явлениями, а конспективная их смена» [9].

Наконец, эти процессы были подмечены, в том числе, и западными мыслителями, например, Ф. Ницше. В своем последнем незаконченном сочинении он констатирует: «Газета заменила ежедневные молитвы. Железная дорога, телеграф. Централизация огромной массы разнообразных интересов в одной душе, которая при этих условиях должна отличаться большой силой и способностью к превращениям» (10). Чуть ниже в этом же сочинении Ф. Ницше продолжает констатировать происшедшие в XIX веке сдвиги. «Чувствительность несказанно обострена (под моралистическими прикрасами увеличение сострадания); количество разрозненных впечатлений больше, чем когда – либо: космополитизм языков, литератур, газет, форм, вкусов, даже пейзажа. Темп этого потока – prestissimo; впечатления смывают одно другое; инстинктивно остерегаешься восприни-

Историческая культурология и история культуры

мать что-либо, воспринимать глубоко, «переваривать» – отсюда как результат ослабление пищеварительной силы. Происходит известного рода приспособление к этому перегрузению впечатлениями – человек отучается от активности, – все сводится к реагированию на внешние раздражения. Он расходует свою силу частью на усвоение, частью на самооборону, частью на борьбу. Глубокое ослабление самопроизвольности: историк, критик, аналитик, толкователь, наблюдатель, коллекционер, читатель – все «реактивные» таланты: все – наука!» [11].

Собственно, человечество, кажется, приходит к той ситуации, которую невольно спрогнозировал еще Платон, реагируя на изобретение письменности и упрекая изобретателя алфавита Тевта в том, что он дает людям не истинную, а мнимую мудрость [12]. Если вернуться сейчас к теме развлечения, т.е. восполнения эмоционального дефицита, то город XX века с его перенасыщенностью массовыми коммуникациями воздействует на человека по-иному. Горожанин XX века нуждается уже не столько в преодолении эмоционального дефицита, сколько в устранении переизбытка эмоционального возбуждения, с чем уже столкнулись города на поздней фазе истории античности [13].

Видимо, в этой ситуации особую притягательность должны представлять не публичные, а приватные формы. Необходимо понять, в какой ситуации на рубеже XX – XXI веков находилась публичная сфера, публичное пространство, в зависимости от которых находилась и художественная жизнь общества, а также более широкая сфера – сфера досуга, частью которой является и искусство, как и различные другие формы проведения свободного времени. Отличается ли новая, более современная ситуация, связанная с публичным пространством, от той, что существовала в XVIII и в XIX веках, как и вообще на протяжении всего Нового и Новейшего времени? Оправдано ли наше стремление выявить проблемные точки современной публичной жизни, прибегая к анализу исторической эволюции в отношении к публичному пространству? Иначе говоря, будет ли в решении данного вопроса историко-генетический подход эффективным?

Чтобы выявить самые существенные признаки публичности в ее актуальном виде, необходимо понять, как и в связи с какими социальными и культурными процессами они

зарождались, какие фазы в своем развитии прошли и в каких формах они предстают перед нами сегодня? В этом смысле ориентиром будет временная длительность возникновения, становления и угасания общества индустриального типа, которое рождается в начале Нового времени, а в XX веке ступает место другому типу общества. А именно, постиндустриальному обществу. По поводу начальной точки в истории публичной жизни в ее актуальных формах можно обратиться к Р. Сеннету, усматривающему исходную точку в том процессе утверждения публичности, что доходит до наших дней, в XVIII веке.

Конечно, история публичной жизни не начинается в этом столетии. Она имела место во всех предшествующих культурах и на тех этапах истории западной культуры, которые предшествовали Новому времени, например, в эпоху Средневековья и Ренессанса с ее культом площади как наиболее яркого пространства манифестации публичности. Однако наше исключительное внимание к Новому времени объясняется тем, что возникающая в истории публичности XVIII века тенденция является для нас современной, реальной в наши дни. Так собственно рассуждает и Р. Сеннет, констатируя, что именно в XVIII веке возникла та форма публичной жизни, которая сохраняется и в наши дни [14].

Разумеется, речь пойдет лишь о тех формах публичности, которые вызывает к жизни нарождающееся и активизирующееся третье сословие, ставшее могильщиком доиндустриального общества, творцом общества нового типа и возникающей в границах такого общества культуры. Зарождение и становление публичной жизни в границах истории такого общества, по сути, является зарождением и становлением культуры, развертывающейся в городах Нового времени. Но речь пойдет не вообще о зарождении и становлении культуры, а о тех подъемах и спадах в истории публичности, что будут иметь место на протяжении трех последних столетий.

Касаясь вопроса, связанного с зарождением той тенденции, что характерна для современной публичной жизни, мы однако не обходим одного из острейших аспектов этой темы, а именно, финальной точки в развертывании той тенденции, что впервые была вызвана к жизни в XVIII веке в связи с бумом предпринимательства. Иначе говоря, наш интерес к актуальным проявлениям публичности спровоцирован пессимистическими выводами и

прогнозами, которые по поводу публичной жизни высказывались раньше и продолжают высказываться сегодня. Следовательно, речь не идет лишь о начальном этапе тех форм публичности, что реальны и в наше время, но и об их исчезновении. Но ведь публичная сфера – это не только сфера культуры, но и способ выражения индивидуального или личного начала. А, следовательно, определенного положения личности. Поэтому заключение по поводу утраты прежних форм публичности необходимо подвергнуть тщательному анализу.

5. Городское пространство Нового и Новейшего времени как публичное пространство. Театрализация публичности как способ культурализации массы.

Пессимистические прогнозы по поводу упадка тех форм публичности, что возникли в городах Нового времени, высказывались и Д. Джекобс и Р. Сеннетом. Имея в виду под публичностью, прежде всего, непосредственный контакт между людьми, Р. Сеннет в новой ситуации констатирует его исчезновение. Чтобы исключить негативные последствия этого процесса, некоторые архитекторы призывают вернуться к средневековому городу, что позволило бы утвердить столь важный для публичности непосредственный контакт [15]. Так, констатируя увядание с наступлением промышленного века традиционной ярмарочной торговли, Р. Сеннет утверждает, что исчезает праздничность ярмарочной и рыночной площади как яркого проявления средневековой публичности и наступает упадок пышных зрелищ и фестивалей позднего Средневековья [16].

Но точка зрения архитекторов, идеализирующих средневековый город, – лишь частное выражение той ностальгии, которая возникает в городах индустриального общества, ностальгии, диктующей реабилитацию элементов культуры доиндустриального города. Эта тенденция в ее наиболее общем виде была сформулирована Э. Тоффлером. Отождествляя общества, возникающие в Новое время, со второй волной индустриализации, Э. Тоффлер констатирует кризис и тупик таких обществ. Он говорит о реальности надвигающейся третьей волны, т.е. постиндустриального общества. Но удивительное дело, третья волна возвращает к первой волне. «Поразительно – пишет он – но по многим призна-

кам цивилизация Третьей волны несет в себе черты сходства с Первой волной, в частности, можно назвать децентрализацию и уменьшение масштабов производства, возобновляемые источники энергии, деурбанизацию, надомную работу и т.п. Иначе, мы наблюдаем нечто типа диалектического возврата к прошлому. Вот почему многое из нынешних нововведений, подобно комете с ее хвостом, влечет за собой напоминание о прошлом. В наиболее быстро развивающихся сообществах Третьей волны мы встречаемся с явлениями, которые вызывают ощущения *deja vu*, обладающими всей притягательностью патриархального прошлого. Самое удивительное, что цивилизации Первой и Третьей волны более сходны между собой, чем с цивилизациями Второй волны» [17].

Под этой ностальгией следует понимать потребность возврата к тем формам контактов между людьми, которые Ф. Теннис связывал с так называемыми общностями и которые были органичными для доурбанизированных обществ [18]. Подобная ностальгия по общности явилась следствием противоречия, возникшего и в публичной жизни городов Новейшего времени, и в культуре в целом. Индустриальное общество – это то, что мы обычно называем массовым обществом. Образование массы в быстро растущих городах развертывается именно в индустриальных обществах. Публичная жизнь в индустриальном обществе происходит в формах города. Публичная жизнь в городах Нового времени имеет историю. Она началась с образования в городах огромного числа людей – мигрантов, оторванных от почвы, от культуры в ее традиционных формах, что возникли в доиндустриальных обществах. Это скопление в городах обязывает в этом явлении видеть новое качество, не существовавшее в доиндустриальных обществах.

Называя эти скопления толпой, мы как раз и констатируем новое качество того, что обычно называют народом. Последующая история публичности будет связана с тем, как в городах на этапе индустриального общества создается новая культура, что означает, что толпа как нечто хаотическое и неорганизованное, лишённое культурной регламентации, со временем трансформируется в новую и коллективную общность, в то, что и будут называть обществом. По сравнению с теннисовской общностью как продуктом доиндустриального общества общество – это качественно но-

Историческая культурология и история культуры

вое образование. Таким образом, культура, рождающаяся в индустриальном обществе, предполагает трансформацию толпы в сторону рождения социальности нового типа. Это рождение сопровождается превращением толпы в коммуникативную, а, следовательно, и в социальную общность.

Этот процесс становления толпы в социальную общность нового типа проходит несколько фаз. Последние фазы возникают на основе технологий, которые все более вытесняют традиционные формы публичности. Однако рождающаяся в городах XVIII века новая форма публичности связана с тем, что, как нами было уже показано раньше, в большей или меньшей степени характерно для каждого социума, а именно, с его театральной или игровой природой. Культура XVIII и XIX веков развивается под мощным воздействием театра, печать которого лежит на многих видах искусства этого времени и не только. Но прежде всего огромный размах получает вся сфера театра.

Так, Х. Зедльмайр свидетельствует: «Между 1840-м и 1880 – 1890 годами было построено большинство оперных зданий во всем мире, причем в такой форме, которая остается действенной вплоть до наших дней, то есть спустя столетие. Самые значительные сооружения великих архитекторов середины века – театральные сооружения» [18]. Такой же культ театра в XIX веке констатирует и Р. Сеннет. Театры в европейских городах вмещали больше зрителей, чем залы галантного века. Они могли вмещать до 4 000 человек [19].

Дело доходит до того, что свой гнев Ф. Ницше обрушивает на эту доминанту театра в искусстве XIX века, называя это театрократией и подразумевая под ней «сумасбродную веру в преимущество театра, в право театра на господство над искусствами, над искусством» [20]. Естественно, что, выражая недовольство, Ф. Ницше обращает внимание и на его главный элемент, т.е. актера. Для Ф. Ницше господство актера, что вроде бы характерно лишь для сцены, тем не менее, выходит за ее пределы. У Ф. Ницше актерство становится выражением духа эпохи упадка или эпохи декаданса. Актерство проникает даже в музыку. Так, XIX век для философа становится «золотым веком» актера.

Этой трансформации актера в универсальный тип личности уделяет внимание Р. Сеннет. Он констатирует: «С концом эры Наполеона на смену ему пришел Артист как воплощение

публичной личности, вызывающей доверие. И с этой поры политики стремились отвечать общественным представлениям о том, как ведут себя артисты и что их беспокоит, ибо поведение артиста и претерпеваемые им невзгоды составляли теперь новый стандарт героизма» [21]. Именно Р. Сеннет констатирует особую значимость актера не только для эстетической деятельности, но и как некоего символа, становящегося средством выражения того, что в социальной жизни не может найти выражение. «Вся история публичной культуры XIX века – пишет он – была историей людей, которые постепенно теряли веру в собственную экспрессивную энергию и, напротив, возвышали актера как человека, являющегося особенным, потому что он может делать то, чего заурядные люди в повседневной жизни делать не могут – ясно и свободно выражать правдоподобные чувства на публике» [22].

Но мало кто пытался понять необычайную популярность театра в соотносении с тем новым типом публичности, что рождается именно в индустриальном обществе. В театральных формах рождается тот тип идентичности, что будет характерным для городской культуры Нового времени. Значимую роль в это время будет играть уже стимулируемая процессом индивидуализации приватная сфера. В формах театра личность способна проиграть многие варианты индивидуальной идентичности. Однако эти варианты могут быть реализованы лишь в публичных формах. По сути, выдвижение театра в ведущую форму публичности, что предстает в нарастающем интересе к театру на протяжении XVIII – го и XIX веков, свидетельствует о проявляющихся в городах этого времени двух новых явлениях.

Во – первых, необходимо говорить о возникшей в городском пространстве свободе личности, что проявляется и в свободе выбора идентичности. Эта свобода обретается в силу разрыва человека – мигранта и с общностью в теннисовском смысле, и с культурой в ее традиционных формах. Во – вторых, эта свобода становится основой для формирования индивидуальной идентичности. Свобода позволяет экспериментировать с идентичностью, опробовать многие возможности и сделать какой-то окончательный выбор. На раннем этапе индустриального общества, когда функционализация и специализация уже нарастают, но не достигают крайности, человек в выборе идентичности относительно свободен. Этот период благоприятен для развития театра, который порывает

связь с публикой как собранием придворных и аристократов и устанавливает контакт с демократической публикой. Число театральных зрителей увеличивается также стремительно, как и население городов. Отождествляя себя с разными персонажами, появляющимися на сцене, зритель творит свою, соответствующую новым формам жизни идентичность.

Однако это творчество разворачивается преимущественно в публичных, а не в частных формах. Ведь частные формы будут привлекательны по мере индивидуализации культуры, что разворачивается в городах и по мере усталости от публичности. На ранних этапах нового создаваемого социума такая психология будет преждевременной. В пространстве театральной жизни, соответствующей публичной жизни города на ранней стадии становления индустриального общества, в игровых формах создается и новая идентичность людей, и новая культура, отличающаяся от той, что существовала в доурбанизированных обществах.

6. От театра XIX века к публичности в формах массовой коммуникации.

Исходной точкой в этом процессе является образование в городском пространстве толпы как скопления людей, выпавших из одной культуры и еще не обретших другой. В каком направлении будет трансформироваться и изменяться это хаотическое, стихийное образование, способное вызвать страх, что не удивительно? Констатируя страх XIX века перед толпой, Р. Сеннет пишет, что в это время толпа «представляется как некое состояние, в котором самые корыстные страсти человека выражаются наиболее спонтанно; толпа – это человек – зверь, отпущенный с поводка» [23]. Не удивительно, что в XIX веке появляются первые исследования толпы, в которых она предстает так, как ее изображает Р. Сеннет. К таким исследованиям относится исследование С. Сигеле, воспроизводящее, в том числе, и поведение толпы во время Французской революции [24].

Касаясь способности толпы демонстрировать разрушительные действия, Э. Каннети отмечает открытую массу от закрытой, придя к заключению, что в наше время масса все больше превращается в открытую, что представляет проблему и выражает суть переходной эпохи. В доиндустриальных обществах социум знал исключительно закрытую толпу, прибегая к ее различным пространственным

ограничениям. В качестве примера можно сослаться на церковь как разновидность публичного пространства, позволяющую держать массу, как выражается Э. Каннети, в прирученном состоянии. Однако беспрецедентный рост населения городов привел к отрицанию традиционных средств, способных держать толпу в узде. Масса все больше становится открытой, т.е. способной на импульсивные, иррациональные действия. Ведь масса, как это утверждает Э. Каннети, всегда стремится увеличиться в своих размерах и преодолевать освященные культурой пространства.

Вот как Э. Каннети описывает возникающее в современных городах новое качество массы. «Со времен Французской революции эти извержения приобрели форму, которую мы воспринимаем как современную – пишет он – Может быть потому, что масса основательно очистилась от содержания традиционных религий, нам стало легче наблюдать ее в чистом, если угодно, биологически чистом виде, без тех трансцендентных смыслов и целей, которые раньше она позволяла в себя влить. История последних ста пятидесяти лет ознаменовалась резким увеличением числа извержений; это справедливо и по отношению к войнам, которые стали массовыми войнами. Масса уже не удовлетворяется благочестивыми обетами и обещаниями, она хочет испытать великое чувство собственной животной силы и страсти, используя для этого любые социальные претензии и поводы» [25].

Обратим внимание на то, что, прежде всего, бросается в глаза Э. Каннети. Он констатирует наиболее существенную особенность массы – ее освобождение от традиционных форм культуры и в то же время свободу от новых, еще не устоявшихся в реальности форм. Это введение массы в культуру развернется первоначально в технологических, коммуникативных формах (этот процесс мы переживаем сегодня), а уже затем и в культурных формах, хотя до таких форм пока еще далеко. Мы пока находимся в эпицентре эскалации массовой культуры. В суждении Э. Каннети точно говорится о способности массы проявляться в биологически чистом виде. Но эта способность реализуется именно в ситуации распада устоявшегося социума. Это имеет место и в XVIII веке, и в веке XX – м, т.е. в переходных ситуациях. Именно в этих ситуациях масса выходит за пределы сформированных на прежних этапах

Историческая культурология и история культуры

истории форм публичности, отвергает их, превращаясь в проблему.

Возникающие массовые коммуникации стремятся придать массе различные формы организации, внедряя в культуру новые формы публичности. Но решение этой задачи по – прежнему не имеет решения. Страх перед толпой возникает как следствие возникшего нового неструктурного образования людей, которые по отношению друг к другу являются чужаками, незнакомцами. Иначе говоря, людей с неопределенной идентичностью. Это исходная и проблемная точка, из которой все возникает и проходит разные стадии. Для одних стадий характерно выдвижение публичности на первый план даже если это мешает проявлению личного начала. Но творчество культуры – это не только процесс индивидуализации, но и процесс унификации, даже если эта унификация разворачивается на основе тиражирования картины мира, присущей какому-то одному типу личности.

Если процесс индивидуализации в городе как более свободном пространстве начинается с самого появления в этом пространстве мигранта, то для города в еще большей степени показателен процесс унификации, т.е. созидания единых норм, вкусов и форм их выражения. Вот этот процесс унификации разворачивается в формах публичности. Дело однако не только в том, что в городском социуме начинают постепенно выделяться отдельные места для публичности в виде театров, парков, ярмарок, кафе, ресторанов, клубов, универсальных магазинов, но и в том, что следовало бы назвать классовой солидарностью. Ведь город творится и обживается представителями среднего класса. На ранних стадиях нового общества каждый из толпы чужаков еще не ощущает себя представителем среднего класса. Это сознание единства придет лишь со временем.

Со временем приходит и образ творца нового социума и всей этой предпринимательской субкультуры, созидающей и новый социум, и новую культуру. Со временем приходит и идеальная аура этой субкультуры. Не забудем, что на ранних этапах среда ремесленников и торговцев, которая породит третье сословие, является еще презируемой и маргинальной. Осознание ауры, единства и своего идеального образа получит выражение в новых формах публичности, будет ли это ярмарка, которая вскоре должна будет уступить место рынку, промышленная выставка или клуб. Пока же представитель среднего класса – это не про-

сто чужак в городе, но и человек, лишенный всякого эстетического вкуса.

Так, касаясь предпринимателей первого поколения, В. Зомбарт констатирует отсутствие у них всякого эстетического вкуса. Но уже второе и третье поколение этот вкус начинает культивировать. Вот как В. Зомбарт представляет себе эти вкусы новых хозяев жизни. «Народится поколение, – пишет он – которое превратит избыток щедро притекающих к нему богатств в источник привольной жизни и красоты. Это будут люди, для которых наслаждение и жизнерадостность снова станут естественными спутниками их земного существования, люди с облагороженными чувствами, с эстетическим мировоззрением. Это значит, другими словами, что утонченные потребности в количественном отношении примут размеры, о которых мы в настоящее время не можем себе составить ни малейшего представления; они возрастут до необъятных размеров, получают массовую распространенность и великолепие, по сравнению с которыми «роскошь» императорского Рима, блеск Венеции и расточительность Версаля совершенно поблекнут» [26].

Самосознание этого класса длительное время еще отсутствует. Сводя образование новой социальной общности к осознанию каждого горожанина своей принадлежности к особому классу, мы вовсе не утверждаем, что средний класс создает культуру, исключительно рассчитанную на консолидацию только своего класса. В том-то и дело, что свое мировосприятие и характерные для него ценности он готов воспринимать как универсальные и общечеловеческие. Так, собственно, оно и получилось. Созидавая более соответствующую своим интересам культуру, средний класс в еще большей степени созидает цивилизацию с присущим ей утилитаризмом и экономизмом, которая со временем превращала культуру в свою служанку, что уже на ранних этапах спровоцировало критику культуры.

Это продемонстрирует Ж. – Ж. Руссо в своей критике города, как, собственно, и театра, вместе с ним и публичности [27]. Но Ж. – Ж. Руссо слишком опережает осознание процесса, вернее, негативные последствия процесса, которые острой проблемой станут позже. Пока средний класс начинает творить соответствующую ему в городах культуру, и естественно, что это творчество начинается с подражания им тому образу жизни, что был присущ высшим слоям общества.

7. Ностальгия по общности. Возникновение в городах 2-й половины XX века субкультур как сопротивление виртуализации публичного пространства.

Мы пытаемся отождествить первую фазу в истории публичности с театром. Однако нас интересует не столько ранняя, сколько поздняя, т.е. современная нам фаза в истории публичности, а она хотя и воспринимается оптимистически, но является весьма драматичной. Не случайно в связи с XX веком некоторые авторы констатируют исчезновение публичности. Но, конечно, этот пессимизм неуместен. Публичность не исчезает. Она лишь приобретает новые формы, причем на основе технологий. Спрашивается, можно ли в той форме публичности, которая на ранних этапах нового социума предстает в театре, усмотреть те процессы, которые в XX веке предстанут в публичности, реализуемой с помощью массовой коммуникации? Например, Р. Сеннет такую преемственность не исключает.

В этом смысле любопытны его наблюдения над театром, который становится в городском публичном пространстве Нового времени чем-то вроде лаборатории создаваемой новой публичности. Однако театр XVIII-го и XIX веков – это не только тиражирование образцов публичного поведения в городе, но и некая компенсация публичности в городском пространстве. Когда мы говорим о театре, под ним мы подразумеваем не только действующих актеров, но и молчаливую, пассивную аудиторию. Этот феномен пассивности, который Р. Сеннет обнаруживает уже в театре XIX века, затем обратит внимание в массовой коммуникации, т.е. уже в наше время («Средства массовой информации приводят к непрерывно растущей пассивности со стороны зрителя» [28]).

На ранних этапах нового социума театр тоже обращает на себя внимание тем, что значение обратной связи здесь понижается. Именно этот признак публичности, насаждаемый с помощью театра, потом получит такие гипертрофированные формы в медиа, например, в телевидении. Однако это разделение между сценой и аудиторией не абсолютно. В театре проигрывается пока нереализуемое в повседневной жизни индивидуальное начало, потенциал личности. Правда, в иллюзорной, т.е. в игровой форме. Публичность в формах театра утверждает норму, а эта норма призвана подавлять эмоциональную сторону самой жизни.

Конечно, театр раскрепощает и высвобождает эмоции. Не случайно среди всех жанров в театре этого времени лидирует сначала трагедия (и это потому, что аристократия в зрительном зале еще преобладает), а затем и мелодрама, лидерство которой означает свершающуюся демократизацию театра, когда он наполняется уже преимущественно представителями среднего сословия.

Мы уже цитировали высказывание Ф. Ницше о том, что XIX век – это век преувеличенного отношения к театру. Видимо, феномен звездности рождается уже в театре, хотя в своих развитых формах предстанет потом в кино. Вот почему Ф. Ницше так негодует по поводу преувеличенного отношения к актеру. Но театр и подавляет эмоции. Точнее, он позволяет их изжить, освободиться от них. Тем самым он предохраняет общество от выражения эмоций и страстей потерявшего равновесие в новом пространстве мигранта – человека с неопределенной идентичностью. Если бы не театр, то изживание фрустрации могло произойти в различного рода отклонениях. Главное, что делает театр – это утверждение нормы публичного поведения. Театр творит норму в игровых формах. Но это и есть творчество культуры.

Однако не забудем, что театральная публика – это лишь отчасти окультуренная публика. Другой своей стороной она предстает как толпа, часть городской толпы, того образования, что возникает в публичном пространстве города и остается на протяжении всего становления индустриального общества. Поскольку театральная аудитория способна вести себя как толпа, то она может преодолевать границы театра и выражать себя уже в реальности. В реальности же толпе необходим уже не актер, изображающий гипнотически воздействующего героя, а реальная личность, лидер, способный дисциплинировать толпу, придавать ей некоторую структурность и организованность. Так возникает предыстория тоталитарного режима с присущим ему вождизмом. Хотя в самой реальности толпа уже перестает проявлять себя как театральная аудитория, она склонна наделять реальное лицо харизмой, превращая его в сакральное лицо. Если XIX век породил значимые элементы культуры вроде театра, способствующие возникновению новой формы публичности, то тот же XIX век предвосхитил и вождизм, что будет проявляться в политической жизни.

Как бы новый социум не создавал множество форм культуры, способствующих преоб-

Историческая культурология и история культуры

ражению толпы в общность, толпа оказывается неустрашимой, демонстрируя в XX веке свои гипертрофированные формы проявления. Со временем магия театра как мощной формы созидания публичности на ранних этапах нового социума угасает. Только с его помощью культура в новой ситуации оказалась не способной претворить толпу в культурную общность. Следующая фаза в истории публичной жизни обязана технологиям, на основе которых появляется сначала кинематограф, а затем и телевидение. Конечно, кино и телевидение приходят в культуру, чтобы разрешить противоречие, которое театр оказался неспособным решить. Но, разрешая это противоречие, кино и телевидение создали новые проблемы, которые и привели к угасанию тех форм публичности, которые возникли еще в XVIII веке.

Формы публичности, возникшие на основе технологий, демонстрируют особое отношение к публичному пространству. Пожалуй, именно они впервые утверждают границу между традиционными формами публичности как наследием Средневековья и публичностью в ее новых, даже, можно сказать, глобальных формах. Ведь театр все еще сохраняет связь со средневековыми формами публичности, поскольку в нем остается реальным восприятие пространства публичности как малого пространства, границы которого определяются устным словом. Театральное пространство – часть пространства площади, а площадь в средние века была наиболее репрезентативным выражением и публичности, и публичного пространства.

Собственно, какие-то признаки театрального зрелища, а именно, коллективное его восприятие присутствуют и в восприятии кинозрелища. Значит, признак публичности в ее кинематографической форме телевидение упраздняет. Оно вносит в публичность, возникающую на технологической основе, новые перспективы. Публичное пространство в его телевизионной форме превращается в планетарную публичность. Это пространство необычайно расширяется. Кроме того, структура публичности в форме телевидения необычайно усложняется. Здесь имеет место имитация приватного и одновременно реальность публичности в ее планетарной форме. Ведь телевизор – элемент приватного пространства. Телевидение мы воспринимаем индивидуально или в кругу семьи. Это одновременно процесс персонализации и деперсонализации.

Этому приватному поведению телевизионного зрителя придается беспрецедентная универсальность.

Конечно, возникновение на основе технологических форм публичности способствует уходу в небытие традиционных ее форм. Но этот процесс явно неоднозначен. Как индустриальное общество не упразднило до конца культуры, что возникнет в доиндустриальных обществах, так не упразднит ее и постиндустриальное общество. Как уже отмечалось, Э. Тоффлер констатирует ностальгию по формам культуры доиндустриального общества. Частным вопросом этой общей тенденции будет ностальгия по формам публичности, возникшим еще в XVIII и XIX веках.

Но в современном обществе в еще большей степени возникает ностальгия по тому, что Ф. Теннис подразумевает под общностью. Этот процесс в современном городе разворачивается в формах возникающих субкультур с присущими им символами, ценностями и особым отношением к пространству. Так, изучение образа жизни в субкультурах хиппи, панков, металлистов, люберов, рэперов, рэйверов, скинхедов и т.д. привело к выявлению того, что основным кодом молодежной культуры оказывается пространственный код [29]. Но отношение к пространству в таких субкультурах оказывается также определяющим моментом поддержания идентичности. Так, излюбленной формой встреч молодых являются тусовки. Им соответствуют специальные клубы, пивные, кафе, скверы. По сути, отношение к публичности в таких субкультурах предстает в маргинальных формах, что, собственно, соответствует функции пространства, предназначенного для молодежи в традиционной культуре. Так, даже применительно к традиционной культуре Т. Бернштам употребляет для обособления молодых понятие субкультуры [30].

В то же время наиболее показательным для таких субкультур пространством является дорога как символ бесконечной свободы. Прежде всего, свободы от мира взрослых, существующих не в живых организмах, т.е. в соответствии с Ф. Теннисом, в общностях как форме социальности в доиндустриальных обществах, а в соответствии с нормами общества как отчужденного механического агрегата [31]. Возникшие в массовых обществах формы публичности, как оказалось, незаменимы в эпоху, когда эти общества достигают пика и формируют из толпообразных

образований в городах единую коммуникативную общность. Дифференцирующемуся современному обществу эти формы уже не отвечают. Приходится возрождать формы публичности, происхождением которых мы

обязаны Средним векам. Так, параллельно эскалации массовой коммуникации развертывается процесс реабилитации тех форм публичности, что известны по функционированию доиндустриального общества.

Библиография:

1. Абрамян Л. Первобытный праздник и мифология. Ереван., 1983;
2. Бернштам Т. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX-начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985;
3. Бернштам Т. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в., Л., 1988;
4. Библиотека литературы Древней Руси., т. 1. XI-XII века. СПб., 1997;
5. Булгаков С. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997;
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984;
7. Голубинский Е. история русской церкви., т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. 1 пол. тома. М., 1901;
8. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2011;
9. Джекобс Д. Закат Америки. Впереди Средневековье. М., 2007;
10. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011;
11. Додонов Б. Эмоция как ценность. М., 1978;
12. Зедльмайр Х. Утрата середины. М., 2008;
13. Золотарев А. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964;
14. Зомбарт В. Современный капитализм. т. 2., М., 1904;
15. История чтения в западном мире от античности до наших дней. М., 2008;
16. Каннети Э. Масса и власть. М., 1997;
17. Карамзин Н. Письма русского путешественника. Л., 1984;
18. Леви-Строс Л. Структурная антропология. М., 1983;
19. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995;
20. Лотман Ю. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю. Избранные работы в 3 т., т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн., 1992;
21. Лотман Ю. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю. Избранные статьи в 3 т., т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн., 1992;
22. Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005;
23. Московское купеческое собрание. Исторический очерк. М., 1914;
24. Мельников А. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. 1917-1917. Нижний Новгород., 1917;
25. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005;
26. Ницше Ф. Сочинения в 2 т., т. 2., М., 1990;
27. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972;
28. Писемский А. Собрание сочинений в 9 т., т. 7. М., 1957;
29. Платон. Сочинения в 3 т., т. 2., М., 1970;
30. По Э. Полное собрание рассказов. М., 1970;
31. Рэдклиф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001;
32. Руссо Ж. – Ж. Письмо д. Аламберу о зрелищах // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в 3 т., т. 1., М., 1961;
33. Сеннет Р. Падение публичного человека. М., 2002;
34. Сигеле С. Преступная толпа. М., 1998;
35. Снегирев А. Русские в своих пословицах. М., 1834;
36. Тард Г. Законы подражания. М., 2011;
37. Теннис Ф. Общность и общество. СПб., 2002;
38. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999;
39. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Галантный век. М., 1994;
40. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Буржуазный век. М., 1964;
41. Хренов Н. Человек играющий в русской культуре. СПб., 2005;

Историческая культурология и история культуры

42. Хренов Н. Пределы эскалации коммуникативных технологий: ностальгия по площади // Культура и искусство. 2014., № 1-2;
43. Хренов Н. Зрелища в эпоху восстания масс. М., 2006;
44. Чаадаев П. Статьи и письма. М., 1989;
45. Чарский В. Художественный театр // Кризис театра. 1908;
46. Щепанская Т. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор. М., 2003
47. Д. Г. Трунов Перформанс как арттерапевтическая техника. // Психология и Психотехника. – 2010. – 11. – С. 63 – 69.
48. Дуняева М.М. Роль и значение средств массовой коммуникации в современных политических процессах // Политика и Общество. – 2014. – 10. – С. 1252 – 1257. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.10.13267.
49. Дуняева М.М. К вопросу об особенностях информационного противостояния России и Грузии // Право и политика. – 2014. – 11. – С. 1686 – 1690. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.11.13266.
50. Ю.В. Лобанова Социокультурные последствия глобализации и проблема диалога культур. // Философия и культура. – 2011. – 4. – С. 130 – 136.

References (transliterated):

1. Abramyan L. Pervobytnyi prazdnik i mifologiya. Erevan., 1983;
2. Bernshtam T. Budni i prazdniki: povedenie vzroslykh v russkoi krest'yanskoi srede (KhIKh-nachalo KhKh v.) // Etnicheskie stereotipy povedeniya. L., 1985;
3. Bernshtam T. Molodezh' v obryadovoi zhizni russkoi obshchiny KhIKh-nachala KhKh v., L., 1988;
4. Biblioteka literatury Drevnei Rusi., t. 1. KhI-KhII veka. SPb., 1997;
5. Bulgakov S. Dva grada. Issledovanie o prirode obshchestvennykh idealov. SPb., 1997;
6. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. M., 1984;
7. Golubinskii E. istoriya russkoi tserkvi., t. 1. Period pervyi, kievskii ili domongol'skii. 1 pol. toma. M., 1901;
8. Debor G. Obshchestvo spektaklya. M., 2011;
9. Dzhekobs D. Zakat Ameriki. Vpered Srednevekov'e. M., 2007;
10. Dzhekobs D. Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov. M., 2011;
11. Dodonov B. Emotsiya kak tsennost'. M., 1978;
12. Zedl'mair Kh. Utrata serediny. M., 2008;
13. Zolotarev A. Rodovoi stroi i pervobytnaya mifologiya. M., 1964;
14. Zombart V. Sovremennyi kapitalizm. t. 2., M., 1904;
15. Istoriya chteniya v zapadnom mire ot antichnosti do nashikh dnei. M., 2008;
16. Kanneti E. Massa i vlast'. M., 1997;
17. Karamzin N. Pis'ma russkogo puteshestvennika. L., 1984;
18. Levi-Stros L. Strukturnaya antropologiya. M., 1983;
19. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. SPb., 1995;
20. Lotman Yu. Teatr i teatral'nost' v stroe kul'tury nachala KhIKh veka // Lotman Yu. Izbrannye raboty v 3 t., t. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn., 1992;
21. Lotman Yu. Poetika bytovogo povedeniya v russkoi kul'ture KhUIII veka // Lotman Yu. Izbrannye stat'i v 3 t., t. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn., 1992;
22. Luman N. Real'nost' massmedia. M., 2005;
23. Moskovskoe kupecheskoe sobranie. Istoricheskii ocherk. M., 1914;
24. Mel'nikov A. Ocherki bytovoi istorii Nizhegorodskoi yarmarki. 1917-1917. Nizhnii Novgorod., 1917;
25. Nitsse F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostei. M., 2005;
26. Nitsse F. Sochineniya v 2 t., t. 2., M., 1990;
27. Obukhovskii K. Psikhologiya vlechenii cheloveka. M., 1972;
28. Pisemskii A. Sobranie sochinenii v 9 t., t. 7. M., 1957;
29. Platon. Sochineniya v 3 t., t. 2., M., 1970;
30. Po E. Polnoe sobranie rasskazov. M., 1970;
31. Redklif-Braun A. Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. M., 2001;
32. Russo Zh. – Zh. Pis'mo d, Alamberu o zrelishchakh // Russo Zh. – Zh. Izbrannye sochineniya v 3 t., t. 1., M., 1961;
33. Sennet R. Padenie publicnogo cheloveka. M., 2002;

34. Sigele S. Prestupnaya tolpa. M., 1998;
35. Snegirev A. Russkie v svoikh poslovitsakh. M., 1834;
36. Tard G. Zakony podrazhaniya. M., 2011;
37. Tennis F. Obshchnost' i obshchestvo. SPb., 2002;
38. Toffler E. Tret'ya volna. M., 1999;
39. Fuks E. Illyustrirovannaya istoriya npravov. Galantnyi vek. M., 1994;
40. Fuks E. Illyustrirovannaya istoriya npravov. Burzhuaznyi vek. M., 1964;
41. Khrenov N. Chelovek igrayushchii v russkoi kul'ture. SPb., 2005;
42. Khrenov N. Predely eskalatsii kommunikativnykh tekhnologii: nostal'giya po ploshchadi // Kul'tura i iskusstvo. 2014., № 1-2;
43. Khrenov n. Zrelishcha v epokhu vosstaniya mass. M., 2006;
44. Chaadaev P. Stat'i i pis'ma. M., 1989;
45. Charskii V. Khudozhestvennyi teatr // Krizis teatra. 1908;
46. Shchepanskaya T. Molodezhnye soobshchestva // Sovremenniy gorodskoi fol'klor. M., 2003
47. D. G. Trunov Performans kak artterapiyecheskaya tekhnika. // Psikhologiya i Psihhotekhnika. – 2010. – 11. – С. 63 – 69.
48. Dunyaeva M.M. Rol' i znachenie sredstv massovoi kommunikatsii v sovremennykh politicheskikh protsessakh // Politika i Obshchestvo. – 2014. – 10. – С. 1252 – 1257. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.10.13267.
49. Dunyaeva M.M. K voprosu ob osobennostyakh informatsionnogo protivostoyaniya Rossii i Gruzii // Pravo i politika. – 2014. – 11. – С. 1686 – 1690. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.11.13266.
50. Yu.V. Lobanova Sotsiokul'turnye posledstviya globalizatsii i problema dialoga kul'tur. // Filosofiya i kul'tura. – 2011. – 4. – С. 130 – 136.